

УДК 159.9
ББК 316.6

СУБЪЕКТИВНАЯ СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

О.Н. Макаренко, Н.Н. Тепляков

В статье описан специфический подход к проблеме ценностей. Проанализированы такие стороны проблемы системы ценностей, как природа, структура, а также раскрыты механизмы ее формирования. Рассмотрены особенности представления этой системы, а также ее структура в историческом аспекте психологии ценностей.

Ключевые слова: сознание, субъективная система ценностей, уровни ценностей, трансформация, идентификация, семантическое пространство, личностный смысл.

Изменения, происходящие в различных сферах общественной жизни, начинают отражаться в сознании человека, изменяя его систему ценностей. Причем эта специфическая трансформация протекает на фоне относительно стабильной системы культурно-исторических ценностей.

Необходимость системного подхода к решению проблемы трансформации ценностей предполагает вычленение всех возможных форм и уровней их существования.

В отечественной психологии выделяют, как минимум, три таких уровня:

- культурно-исторический;
- опредмеченный уровень, где эти культурно-исторические ценности воплощаются, переходят в предметную, действенную форму;
- личностный уровень, на котором эти ценности становятся, переходят в разряд личностно-значимых.

Анализ первой, культурно-исторической формы существования ценностей подводит нас к вопросам: откуда берутся эти ценности; как они передаются из поколения к поколению; почему эта система ценностей носит динамический характер, то есть почему изменяется не только иерархия, но и собственно содержательный аспект этих ценностей?

В сущности, этот уровень выступает в двух ипостасях. В одной – как отправная точка любого научного анализа проблемы ценностей, в другой – он выступает конечной, итоговой точкой, в которой сходятся все динамические преобразования, трансформации ценностей, происходящие на уровне субъективного сознания представителей различных социальных слоев общества.

Динамика культурно-исторических ценностей в обществе обуславливается системой внутренних и внешних противоречий, которая присуща любой общественно-экономической формации во всех областях и сферах, в том числе и в психологической. Культурно-исторические ценности в результате разрешения таких противоречий переходят на другой уровень и приобретают иную структуру. В ходе их изучения необходимо не только отслеживать этот спонтанный процесс, но и предусматривать возможность управлять им. Попытки в этом направлении делались на протяжении всей истории человечества, но вот результаты не всегда совпадали с изначально планируемыми целями. Причиной этого было либо отсутствие валидных психодиагностических методов фиксации, измерения данного психологического феномена – ценностей (и сообразно с этим результатом нормирования адекватных методов управления, формирования значимых для общества ценностей), либо использование низковалидных, очень поверхностных методик измерения

этих психологических образований, что также искажало общую результирующую картину этого процесса.

Решение же проблемы трансформации ценностей в масштабном уровне (в рамках социологии) позволило только рассмотреть и изучить ту дверь, за которой скрывалась тайна глубинных психологических процессов, лежащих в основе формирования личностных и общественных (как своеобразной совокупности личностных) ценностей.

В итоге оказалось, что камнем преткновения в решении проблемы трансформации ценностей является отсутствие диагностического аппарата, способного реконструировать внутренние, глубинные структуры сознания личности, где и представлена система ценностей. В последнее время в отечественной психологии ведется успешная разработка таких методов в рамках психосемантического подхода, одним из основателей которого является В.Ф. Петренко [9].

Второй уровень – «опредмеченная» форма существования ценностей – является своего рода «буфером», опосредующим звеном между культурно-исторической и личностной формами существования ценностей.

Этот уровень является своеобразным индикатором качественной стороны морального здоровья общества, так как показывает, по каким стандартам существует общество в целом. Живет ли в этом обществе конкретная личность в соответствии с личной системой ценностей или только делает вид, что для нее очень значимыми являются общественные ценности, а внутри существуют свои ценности, и именно в соответствии с ними данная личность ставит перед собой цели и стремится к их достижению. Одним словом, налицо поведение по принципу двойных стандартов.

В качестве носителей и проводников-преобразователей значимых культурно-исторических ценностей в действенную форму выступают конкретные государственные лица, личностные качества и ценности которых не должны расходиться с официальными ценностями данного общества, зафиксированными в различных официальных документах («Моральный кодекс», «Билль о правах», «Кодекс чести» и др.).

Наибольший же интерес для психологии представляет третий, «личностный» уровень существования ценностей. На нем культурно-исторические ценности в процессе социализации и интериоризации становятся личностно-значимыми. Но, как показывает жизненная практика, а также социологические и психологические исследования, между системой значимых общественных ценностей и системой личностных ценностей отмечается некоторая рассогласованность. В рамках психологического подхода как раз и ставится задача диагностики системы личностных ценностей, сформированной на основе субъективного сознания. Относительно реалий сегодняшнего дня задача конкретизируется более определенно: в какую сторону смещается эпицентр этой системы ценностей в условиях полного самоустранения государственных структур от процесса целенаправленного формирования системы значимых для общества ценностей. Положение усугубляется еще и тем, что проявляющиеся контуры антагонистических ценностей остаются незамеченными. Для конкретной личности в качестве детерминирующих факторов этого процесса выступают все стороны системы жизнедеятельности: политические, экономические, религиозные, этические, эстетические и др. – одним словом, все те пространства, в которых пребывала, пребывает и предполагает пребывать (существовать, жить, творить) личность. Такая ситуативность, неуправляемость процесса нормирования ценностей выдвигает в качестве детерминирующих элементов чувственно-переживаемую сферу личности, ее прагматические устремления. Подобные ситуации получили свое воплощение в подходе Дж. Дьюи по отношению к такой системе ценностей, как мораль. «Нормы морали и категории этики, – по его мнению, – не являются постоянными, вечными, неизменными абстракциями (временными абстракциями), вневременными сущностями. Они возникают, порождаются, актуализируются в конкретных ситуациях, в которых нормы и категории этики служат тому, чтобы эти проблемы разрешить лучшим образом, то есть они становятся вторичными в нормировании конкретного поведения» [5, с. 47]. По сути дела в этом подходе напрочь перечеркиваются культурно-исторические де-

терминанты формирования ценностей. В нем всецело господствует ситуация. В качестве иллюстрации ситуационного характера трансформации субъективной системы ценностей можно привести нашумевшие в свое время работы Стенли Милгрэма и Филиппа Зимбардо. Они пытались выяснить, как влияют на повседневное поведение личности (в основе которого лежит определенная система ценностей) специально организованные формы его жизнедеятельности. В обучающем эксперименте с использованием электрического тока в качестве подкрепляющего фактора, а также с включением феномена авторитета экспериментатора как основной переменной, детерминирующей степень трансформации системы личностных ценностей, С. Милгрэм [13] выяснил, что две третьих испытуемых отказались от своих прежних жизненных ценностей и полностью подчинились созданному в их сознании высокому авторитету экспериментатора.

Еще более шокирующие результаты были получены Ф. Зимбардо в его так называемом тюремном эксперименте, который продемонстрировал вопиющий факт: за шесть суток гуманная система ценностей полностью девальвировалась, освободив место совершенно противоположной системе ценностей. В итоге исследователь пришел к выводу о том, что индивидуальное поведение (в основе которого лежит система ценностей) гораздо более зависит от социальных сил и внешних условий (то есть от ситуативных моментов), чем от таких расплывчатых понятий, по его мнению, как «черты личности», «характер» или «сила воли», реальность которых «психологически не доказана» [15].

Интересным представляется тот момент, что ни один из участников эксперимента не испытывал угрызания совести, этического дискомфорта, раскаянья и т. п. Создается впечатление, что в субъективном сознании испытуемых одновременно (параллельно) сосуществуют две диаметрально противоположные системы ценностей, которые актуализируются в зависимости от ситуации, или же они оказались в маргинальной ситуации и повели себя как маргинальные личности. Но, как выяснилось, выводы С. Милгрэма и Ф. Зимбардо далеки от наших предположений.

Для них при раскрытии механизма трансформации субъективной системы ценностей убеждающим фактором выступало внешнее поведение испытуемых в экстремальной экспериментальной ситуации, которое шло вразрез с ценностями, обозначенными авторами как общественно значимые, гуманистические, общечеловеческие.

Если испытуемый выбирает такую стратегию поведения в экстремальной ситуации, которая перечеркивает гуманистические составляющие его системы ценностей и демонстрирует антигуманистические тенденции, — значит, эти гуманистические, общечеловеческие ценности разрушаются, исчезают. На основании этого делается фундаментальный вывод, что в определенных ситуациях, имеющих для конкретной личности какой-то смысл, формируются новые ценности, которые непременно вытесняют, нивелируют старые. Ценностная структура личности здесь выступает как некая субстанция, имеющая конечную степень составляющих ее компонентов. Для того чтобы изменить качественное состояние этой субстанции, необходимо заменить качественное состояние некоторых из ее элементов, а проще — изъять их из этой системы и на их место поместить новые. У Ф. Зимбардо и С. Милгрэма в качестве такого психологического фактора, выбивающего прежние ценности из структуры субъективных ценностей и размещающего новые ценности на их месте, выступает «ответственность» [13; 15].

По сути дела ситуационный подход С. Милгрэма и Ф. Зимбардо с еще большей силой обострил проблему реконструкции субъективной системы ценностей личности, ее (скрытой, интимной) молекулярной структуры.

В свое время В. Дильтей высказал оригинальные мысли относительно структуры ценностей и собственно природы ценностей. Поставив во главу угла своей теории целостную душевную жизнь человека, к структуре субъективной системы ценностей он подходил через развитие личности, которое представлялось ему как чередование отдельных жизненных состояний. Каждому такому жизненному состоянию характерна определенная структура субъективных ценностей. Отсюда развитие личности, по мнению В. Дильтея, есть ее переход от одной

системы субъективных ценностей к другой системе более высоких жизненных ценностей, «ибо с поступательным течением жизни развивается все более расчлененный склад душевной жизни, которому доступны все высшие соединения» [4, с. 58]. В его теории, наряду с общими теоретическими (абстрактными) рассуждениями о структурах сменяющихся ценностей в процессе развития личности, так и остался открытым вопрос о конкретной глубокой структуре системы субъективных ценностей. Даже дополнение и конкретизация теории В. Дильтея его последователем Э. Шпранглером, которые свелись к выделению шести типов личности (в основе градации которых положены ценности), не продвинули разрешение обозначенной проблемы [11].

Проблема трансформации значимой для личности системы ценностей некоторыми отечественными психологами рассматривается с позиций социальной идентификации.

Определяя идентификацию как процесс отождествления индивидом себя с другим человеком, непосредственное переживание им той или иной степени своей тождественности с объектом отождествления, некоторые социальные психологи отмечают кризисное состояние этого процесса в условиях происходящих в обществе экономических, культурно-исторических, политических, религиозных, этических и других изменений. Суть кризиса определяется тем, что преобразования в перечисленных выше сферах ведут к глобальной ломке устоявшихся социальных стереотипов, к трансформации общественно значимой системы ценностей. Одним словом, констатируется нехарактерные особенности трансформаций тех систем, в которых происходит идентификация личности. В некоторых случаях в современном обществе трансформационные процессы приобретают характер маргинальности [8]. Исходным положением для отечественных психологов в объяснении механизма социальной идентификации является то, что социальные категории, под которыми понимаются базовые социальные (общественные, этнические, политические, религиозные, экономические и др.) ценности и потребности, должны быть однородными, коллективистическими, позитивистски настроенными в плане самоощущения (то есть человек должен стре-

миться к такому самоощущению, которое считается в данном обществе позитивным, приемлемым, поощряемым). При таком подходе значимые ценности личности задаются извне в ходе трансформации общественно значимых ценностей и потребностей, которые человек выбирает для себя «как бы сам», с целью ответить на вопрос «кто я такой?».

Какими бы оригинальными и многообразными перед личностью не представляли эти общественно значимые ценности, они могут стать субъективной ценностью только в том случае, если приобретут определенную личностную значимость, то есть перейдут в такую форму существования, как личностный смысл. Можно отметить, что ценности, презентуемые личности, существуют в двух формах: внешней, в которой они зафиксированы в культурном наследии общества, и внутренней, где ценности выступают как изначально заданные природные особенности, потенции личности, как внутренняя жизненная духовная сила.

Понимаемый ранее процесс развития личности как целенаправленный процесс приобщения, а точнее, навязывания субъекту культурно-исторической, общественно значимой системы ценностей, в котором самой личности отводилась второстепенная, пассивная роль, в последнее время претерпевает существенные изменения. Приоритетное положение здесь начинает отводиться уже самой личности, усматривая именно в ней активную составляющую этого процесса развития.

Акценты процесса идентификации здесь переносятся с внешних, навязываемых обществом ценностных структур на внутренние духовные потенции личности, то есть приоритетное положение начинает занимать «самоидентификация». В итоге в качестве объективных детерминант процесса формирования субъективной системы ценностей личности выступают и внешненавязывающая форма идентификации, и самоидентификация. О взаимодействии их между собой можно только строить догадки и гипотезы. Время, когда в рамках той или иной психологической школы абсолютизировалась одна из форм идентификации и полностью игнорировалась другая, — уходит в историю. В связи с этим на уровне гипотез сформулировать модели этих отноше-

ний можно, как минимум, в трех вариантах. Во-первых, эти процессы на протяжении жизни субъекта имеют линейную зависимость, то есть на начальных этапах жизни актуализируется один, а затем, при переходе на другую стадию развития личности, актуализируется другой процесс идентификации. Можно предположить и другую картину: обе формы идентификации сосуществуют параллельно и в процессе жизни субъекта сменяют друг друга по мере необходимости и востребованности того или иного процесса. Возможен и третий вариант соотношений этих процессов идентификации – когда обе формы актуализированы одновременно, единовременно и обе участвуют в процессе порождения субъективной системы ценностей личности. Это очень трудно себе представить, а еще труднее экспериментально доказать, исследовать. Можно разве что прибегнуть к математическому моделированию, но и в этом случае данная проблема останется на уровне очередной теоретической абстракции.

По сути эти три варианта гипотезы соотношения форм идентификации в процессе порождения субъективной системы ценностей личности включают в себя гипотетические платформы всех подходов к этой проблеме. Последние исследования данных процессов идентификации социологами, психологами, этнологами и другими специалистами показали, что они претерпевают глобальные изменения, которые движутся в следующих координатах: от стабильности к неустойчивости, диффузности, неопределенности; от унифицированности – к разнообразию; от глобальности – к артикулированию (детализации); от потребности в самоуважении – к потребности в смысле (в правде); от оценочной полярности – к антиномичному единству.

Итогом процессов идентификации выступает какая-то группа ценностей в сознании субъекта, которая, по утверждению ученых, имеет системное образование. Но сказать слово «система» – это еще ничего не сказать. Возникает необходимость в экспериментальном реконструировании этой системы в рамках какого-либо формализованного языка. Это позволит исследовать архитектуру, своего рода молекулярную структуру системы субъективных ценностей личности.

Толчком к выделению проблемы структуры системы субъективных ценностей послужили выводы, сделанные Ф. Зимбардо и С. Милгрэмом по итогам своих экспериментальных исследований. Смелые и безапелляционные утверждения этих ученых о том, что формирование новой, антигуманистической системы ценностей осуществляется за счет разрушения прежней (общественно значимой), не допускает существование параллельных структур субъективных ценностей, имеющих противоположные выражения. Так, в «тюремном» эксперименте Ф. Зимбардо один из 24 испытуемых, выполняющий роль «тюремщика», настолько сжился со своим амплуа, что двухнедельный эксперимент пришлось прекратить на шестой день. Но при этом в своем дневнике он писал: «Будучи пацифистом и неагрессивным человеком, не могу себе представить, чтобы я мог кого-нибудь стеречь или плохо обращаться с другим живым существом». Значит, делает вывод Ф. Зимбардо, можно целенаправленно разрушить путем психологического воздействия, давления (власти авторитета, социальной роли и т. п.) любую позитивную систему ценностей и заставить делать почти все, что угодно большинству людей [15].

На наш взгляд, Ф. Зимбардо не завершил свой эксперимент до конца. Необходимо было этого юношу поместить в условия нетронутой фауны и флоры и посмотреть, будет ли он уничтожать, калечить живые существа, цветы, бабочки, шмелей и др. Можно предположить с достаточно высокой степенью вероятности, что он не будет этого делать. Значит, ответ на вопрос о том, что же происходит в сознании субъекта в таких экстремальных условиях эксперимента, оказывается не так уж прост. Самое простое предположение, которое можно сделать, – прежняя система ценностей не разрушается, не девальвируется, а продолжает существовать в сознании в виде семантического поля (зоны).

Негативные воздействия на ценностную структуру личности в экстремальных экспериментальных условиях либо создают новую семантическую зону, либо попадают в уже существующую в сознании семантическую зону негативных ценностей.

Эти предположения созвучны с теорией Ч. Осгуда, в которой процесс описания воспринимаемого объекта (или окружающего

мира) осуществляется в трехмерном пространстве. В качестве координат здесь выступают универсальные ортогональные факторы «Оценка», «Сила», «Активность» [14].

Иными словами, практически всем людям, то есть представителям различных образовательных уровней, различных языковых культур и этносов, свойственно подходить к восприятию внешнего мира через оценочную деятельность; через выделение в нем силы, мощности элементов этого мира; через вычленение степени подвижности, пассивности, «Активности» этих составляющих окружающий мир предметов и явлений.

Исходя из этого логично предположить, что и система субъективных ценностей личности также имеет неоднородное семантическое пространство. По крайней мере, уже на уровне обыденного логического мышления гипотетически в субъективном сознании личности можно выделить, как минимум, две ортогональные оси-парадигмы ценностей: общественно значимые и общественно незначимые ценности, которые получают эмоциональную означенность и становятся личностным смыслом. Уже в глубинах сознания античного человека личностная система ценностей обуславливалась культурно-историческими особенностями той эпохи.

Сами по себе культурно-исторические детерминанты субъективной системы ценностей личности уже имеют динамическую природу, испытывая на себе тяжесть исторических эпох. В рамках исторической психологии этот факт получал неоднократное подтверждение в работах И.Г. Белявского [1; 2], И.Д. Рожанского [10], М.И. Блока [3], Ю.М. Лотмана [7], Н. Елиаса [12], П.М. Лебедевой [6] и др. В своих исследованиях они пытались выяснить перечень психологических качеств и свойств конкретного субъекта как представителя той или иной исторической эпохи.

Так, И.Д. Рожанский предпринял попытку описать некоторые черты грека, в особенности афинянина V в. до н. э. Отталкиваясь от принятых в западноевропейской антропологии двух типов человеческой культуры – «культуры стыда» и «культуры вины», он попытался реконструировать психологический образ грека. Являясь противоположно направленными культурами, они диктовали свои соб-

ственные критерии оценок поведения человека, а значит и определяли ту систему ценностей, которая была свойственна каждой из культур. Так, для «культуры стыда» построение поведения обуславливалось такой социально значимой системой ценностей, как одобрение или порицание данного сообщества. Ведущими мотивами поведения здесь выступали подражание лучшим и мотив соперничества во всех сферах жизнедеятельности.

В «культуре вины» формирование поведения обуславливалось субъективно значимой системой ценностей, которую условно можно обозначить как «суд совести». Система внешних общественных ценностей для личности этой культуры совершенно игнорировалась.

В итоге античный афинянин V в. до н. э., по мнению И.Д. Рожанского, имел следующий психологический портрет: боязнь стыда, страх показаться глупым или смешным, стремление к первенству, стремление к общепризнанию, очень сообразительный, прекрасный организатор, отважный, способен на риск, оптимистичный, патриотичный, трудолюбивый, скромный в быту, очень ответственный, политически активный и т. д. [10].

В работе М.И. Блока было показано, что восприятие времени у человека в Средние века отличалось от восприятия времени современного человека [3].

Согласно утверждениям Ю.М. Лотмана, в Средние века у русских были значительные расхождения с восприятием географического пространства [7]. В то время, по мнению Н. Елиаса, люди обладали специфическим самосознанием, нежели представители нашей эпохи [12].

Подводя некоторые итоги сказанному, можно отметить следующее:

- теоретические и экспериментальные исследования зарубежных психологов привели к нивелировке культурно-исторического фактора и к приоритету ситуационного фактора в процессе понимания формирования субъективной системы ценностей личности;
- имплицитно вырисовываемая в этих исследованиях структура субъективной системы ценностей личности отличается упрощенностью и механистичностью;
- культурно-историческая система ценностей, которой отечественные психологи

отводят одно из ведущих мест в процессе детерминации субъективной системы ценностей личности, претерпевает специфические изменения в различных общественно-экономических формациях (эпохах);

- актуальный вопрос о соотношении процессов идентификации и самоидентификации в формировании субъективной системы ценностей личности так и остался без ответа;

- расхождение навязываемых обществом системы ценностей (ее образцов для идентификации) с субъективной системой ценностей личности в условиях декларируемых демократических начал и господства одной единственной идеологической доктрины приводит к формированию поведения по принципу «двойных стандартов»;

- разработка глубинных диагностических методик, дающих возможность реконструкции субъективных семантических структур ценностей личности, позволит процесс целенаправленного формирования системы ценностей сделать более продуктивным и эффективным.

Проведенный анализ позволил сформулировать некоторые предположения относительно субъективной структуры ценностей личности. Мы полагаем, что система ценностей в сознании субъекта имеет многоплановую парадигмальную структуру, каждая из ценностных парадигм которой представляет в сознании субъекта своеобразную семантическую зону (семантическое ценностное поле). Мы также предполагаем, что размерность этого ценностно-парадигмального пространства, в котором вся внешняя и внутренняя реальность личности представлена как субъективная система ценностей, будет иметь у представителей всевозможных социальных стратов существенные расхождения как количественного, так и качественного плана. Кроме того, эти самостоятельные «ценностные парадигмы» должны находиться в определенной семантической взаимосвязи, во взаимно детерминирующих тенденциях, что должно непременно сказаться на характере трансформаций этой субъективной системы ценностей личности. В особенной

степени все вышеизложенное относится к маргинальной личности и маргинальным группам, исследование которых традиционным психологическим инструментарием затруднено или невозможно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белявский, И. Г. Исповедь пасынка века / И. Г. Белявский, А. Н. Кишинская. – Одесса : ОКФА, 1997. – 472 с.
2. Белявский, И. Г. Историческая психология / И. Г. Белявский. – Одесса : Изд-во ОГУ, 1991. – 251 с.
3. Блок, М. Апология истории или ремесло историка / М. Блок. – 2-е изд. – М. : Наука, 1986. – 174 с.
4. Дильтей, В. Понимающая психология / В. Дильтей // Хрестоматия по истории психологии. – М. : Изд-во МГУ, 1980. – С. 50–76.
5. Кроссер, П. Нигилизм Джона Дьюи / П. Кроссер. – М. : Прогресс, 1958. – 285 с.
6. Лебедева, П. М. Социальная идентификация на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла / П. М. Лебедева // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20, № 3. – С. 48–58.
7. Лотман, Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. – Т. 2. – Тарту : Изд-во Тарт. ун-та, 1965. – С. 210–216.
8. Макаренко, О. Н. К вопросу изучения маргинальной личности / О. Н. Макаренко // Актуальные проблемы современной психологии : сб. науч. ст. – Кемерово : Редактор и К, 2010. – С. 129–133.
9. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. – СПб. : Питер, 2005. – 480 с.
10. Рожанский, И. Д. Античный человек / И. Д. Рожанский // О человеческом в человеке. – М. : Политиздат, 1991. – 384 с.
11. Шпранглер, Э. Два вида психологии / Э. Шпранглер // История психологии. – М. : Изд-во МГУ, 1992. – С. 346–361.
12. Elias, N. Uber den Prozess der Zivilisation soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen / N. Elias. – Bd. 1–2. – Frankfurt a. M., 1981–1982. – S. 139–151.
13. Milgram, S. Obedience to Authority / S. Milgram. – N. Y., 1971. – 56 p.
14. Osgood, Ch. The measurement of meaning / Ch. Osgood, C. J. Susi, P. H. Tanenbaum. – Urbana, IL : The University of Illinois Press, 1957. – 96 p.
15. Zimbardo, P. G. Social Psychology: Tool for Improving the Human Conditions : Mental Health Program Reports – 6 / P. G. Zimbardo ; ed by Segal. – Rocwill, 1973. – 94 p.

SUBJECTIVE SYSTEM OF VALUES: THEORETICAL ANALYSIS

O.N. Makarenko, N.N. Teplyakov

The article is dedicated to the issue of values. Such sides of this issue, as nature, structure of subjective system values are analyzed; mechanisms of its formation are disclosed. Peculiarities of presentation of this system values are traced in the aspect of historic psychology, a number of hypothesis regarding structure of subjective system of values of personality is put forward.

Key words: *consciousness, subjective system of values, levels of values, transformation, identification, semantic space, personal sense.*